

Русские женщины — эпизод 17 из 17

я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
Иду!.. Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени, и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..
И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи в мгновение
И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движение,
Чужие, свои со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.
Да где же вы все запропали?
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
Уйдите! сказал со слезами старик.

Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
Увидимся, Маша, в остроге!..

1 См. Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею, в 18121815 годах. С.-Петербург. 1822 года. Часть 3, стр. 3064. Биография генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского.

2 См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том 1, Певец во стане русских воинов, стр. 280:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в Деяниях рассказан следующим образом, часть 3, стр. 52:

В сражении при Дашкове, когда храбрые Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею, упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал: Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!.. и что могло после сего противостать усилиям и рвению предводимых таким начальником войск! Батарея была тотчас взята.

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. 1, стр. 329, изд. 1839 года), с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под Дашковой, а при Салтановке, и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевским, несшего впереди полка знамя, при переходе через греблю, под убийственным огнем, и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: Дайте мне нести знамя, юнкер, не отдавая оно, отвечал: Я сам

умею умирать! Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого (Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди) помещена в Архиве г. Бартенева (1866 года, стр. 1214).

3 Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость, действительно, часто жил в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициной и садоводством. Приводим кстати свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем брату:

Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества.

4 Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по муже.

5 Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Znide Wolkonsky, ne P-sse Blolselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen, 1819.

6 См. стихотворения Д. В. Веневитинова, изд. А. Пятковского. СПб., 1862 (Элегия, стр. 96):

На цвет небес ты долго нагляделась

И цвет небес в очах нам принесла.

Пушкин также посвятил З. Волконской стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

Царица муз и красоты и пр.

7 Юрзуф, очаровательный уголок южного берега Крыма, лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымыслено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу Переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартенева Пушкин в Южной России (Русский архив 1866 года, стр. 1115). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество. Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в Крымских письмах Евгении Тур

(С.-Петербургские ведомости 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартенева.

Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Летевшим дружной чередою
С любовью пасть к ее ногам,
и проч.

(Онегин Пушкина)